

Кокуй и его обитатели – новые приятели Петра I

К концу 1680-х годов военные игры Петра I стали уже похожи на настоящие маневры маленькой армии. В окрестностях Преображенского он приказал построить «потешную» крепость Пресбург. Вокруг этой крепости и проводились маневры «потешных», которые набирались опыта, как бы зная, что он неминуемо пригодится. Первым солдатом среди них, к тому же – бравым барабанщиком, был Петр Михайлов. Такой псевдоним по имени деда – первого царя династии Романовых – выбрал для себя царь. Под этим псевдонимом он путешествовал за границей, служил в гвардии и на флоте.

Воинские потехи сблизили Петра I с профессиональными военными, и прежде всего с генералом-лейтенантом Патриком Гордоном, командовавшим русской пехотой. Он помогал царю с вооружением его потешных, часто виделся и разговаривал с ним. Это был мудрый, солидный, неторопливый старый воин-шотландец.

Он приехал в Россию в 1661 году, прослыл опытным полководцем и хорошим инженером. Гордон неплохо знал Россию и, по-видимому, симпатизировал Петру, связывал с ним свое будущее, угадав в непоседливом юноше будущего полководца и государственного деятеля. В окружении царя кроме обычных иностранцев-врачей появились офицеры, которые обучали потешных военному делу. Познакомился Петр и с двумя голландцами – корабельных дел мастерами Карстеном Брантом и Францем Тиммерманом, которые рассказывали юноше о Голландии, учили началам корабельного дела.

Заглянем в источник

Особую страницу в ранней истории Петра Великого занимает «дедушка русского флота» – ботик. Это был небольшой английский бот, найденный царем в Измайлове, загородной резиденции его отца – царя Алексея Михайловича. Вот как много лет спустя сам Петр рассказывал об этом в предисловии к «Морскому регламенту» – главному военно-морскому закону России:

«Случилось нам быть в Измайлове на льняном дворе и, гуляя по амбарах, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышенареченного Франца (Лефорта. – Е. А.), что то за судно? Он сказал, что то – бот английский. Я спросил: «Где его употребляют?». Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: «Какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)?» Он мне сказал, что он ходил на парусах не только что по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: «Есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход показал?» Он сказал, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И выше-реченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта... который оный бот починил и сделал машт и парусы, и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: «Для чего так?» Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того для я стал проведывать, где более воды, то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился, а потом уже стал ее просить и явно, чтоб там двор и суды сделать».

Ботик этот чудом сохранился, в 1723 году был доставлен в Петербург. На нем контр-адмирал Петр Михайлов и другие адмиралы русского флота обошли в Кронштадте строй русской эскад-

ры, и каждый корабль салютовал орудиями главного калибра в ответ на еле слышное таяканье маленькой пушечки с носа ботика. Позже ботик бережно вывозили на военно-морские парады, но уже ставили на шканцы флагманского корабля. Сейчас эта бесценная реликвия благополучно хранится в Военно-морском музее в Петербурге. Любопытна в связи с этим система военно-морского «родства». Петр называл ботик «дедушкой русского флота». В письмах к близким современные ему корабли флота он называл своими «детками». Следовательно, сам он был истинным «отцом» русского флота...

Дружба со специалистами-иностранцами привела Петра I в Немецкую слободу, которую называли Кокуй. В ней жили служившие русским царям иноземные офицеры, инженеры, купцы, предприниматели, одним словом – разный люд, приехавший в Россию в поисках денег, славы и чинов. Поселение иностранцев было на отшибе Москвы, подальше от ее православных святынь и горожан, крестившихся и плевавших вслед шедшему по улице «богопротивному» иноземцу в парике и трубкой в зубах. Но так уж определила судьба, что Кокуй оказался в нескольких минутах езды верхом от Преображенского, и Петр I стал туда все чаще наезжать. Произошло это не сразу: где-то в конце 1680-х – начале 1690-х годов, когда пало правительство Софьи. Кокуй оказался для Петра местом необыкновенным и поучительным. В сущности, это был маленький провинциальный западный городок, выросший на русской земле. Высокая изгородь и купы деревьев скрывали от постороннего взгляда поселение, которое было разительно не похоже на традиционный русский город. Там были чистые улочки с уютными домами немецкой и голландской архитектуры, цветы и декоративные кусты и деревья, церкви с острыми шпилями, ветряные мельницы, таверны, где в клубах табачного дыма за кружкой доброго, сваренного по немецким рецептам пива сидели степенные бюргеры, купцы, офицеры. А еще в Кокуе, в домах богатых его обитателей, были заморские диковинки, редкие и красивые вещи, инструменты, книги, приборы. И вообще, здесь царили странные на взгляд русского человека обычаи, музыка, развлечения. Наконец, здесь свободно гуляли, смеялись и танцевали вместе с галантными мужчинами девушки и женщины, одетые в непривычные русскому глазу платья. Неведомый, заманчивый мир! И Петр со свойственной его натуре страстью окунулся в него.

Общение с иностранцами, с жизнью Немецкой слободы не прошло даром для царя – будущего реформатора, западника. Постепенно, как-то незаметно для себя Петр перешел ту непреодолимую для десятков поколений русских людей границу, которая с

древних времен отделяла в сознании русских людей «святую Русь» от «богомерзкого» Запада, «папистов, лютор (то есть лютеран. – Е. А.) и еретиков». Петр плохо знал по-немецки и по-голландски, иностранцы смешно говорили по-русски, но в деле – у пушки, на бастионе крепостицы Пресбург, на палубе миниатюрного фрегата в Переславском озере, а потом и в застолье, на танцах в Кокуе – они быстро нашли общий язык, начали дружить. Национальность, вера, возраст, иные различия тут уже мало значили – работа и гульба всех объединяли. Но нужно помнить, что отец и брат царя Петра всегда сторонились иностранцев и, согласно церемониалу подпустив к руке иноземного посланника, они тут же долго и тщательно мыли руки водой из серебряного кувшина – «как бы не опоганиться!».

Около 1690 года, когда Петру было 18 лет, он познакомился и близко сдружился с полковником Францем Лефортом. Выходец из Швейцарии, тот был обычным для тогдашней Европы ландскнехтом, то есть наемным воином, готовым предложить свою шпагу тому, кто больше заплатит. Неведомые ветры занесли его в 1675 году в Россию. Он обосновался в Немецкой слободе, купил там дом, женился. Тридцатисемилетний Лефорт очень понравился Петру. Он был красивый, воспитанный кавалер, изящно и ловко танцевал, умел говорить дамам сладкие комплименты. Но при этом он был смелым солдатом, многое повидавшим на своем веку. Его широкая, щедрая натура, несомненная талантливость в дружбе пленили молодого царя. Если с вечно серьезным Гордоном можно было обсуждать дела, то с Лефортом хорошо было весело шутить, легко и просто проводить время. А Петру так были нужны надежные, верные люди, потому что в его жизни наступил тяжелый период.